

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Наследница
дворянского гнезда

Марина С. Серова
Наследница дворянского гнезда
Серия «Мисс Робин Гуд»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184289
Наследница дворянского гнезда: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-37496-0*

Аннотация

Помощники Полины Казаковой, известной в городе как Мисс Робин Гуд, – Люся и Вася, встретив на кладбище одинокую странную девушку, сперва приняли ее за сумасшедшую. Полина знакомится с дамочкой: ее имя Марта Марсвин, она является гражданкой Дании и приехала на похороны своего русского деда Матвея Лепнина. Однако срочная телеграмма, которой вызвали Марту, опоздала на неделю. Это настораживает Полину. Впрочем, как и смерть Матвея – пожилого, но физически крепкого мужчины. Вскоре из дневника Лепнина Марта узнает, что она потомственная дворянка и является наследницей огромного состояния. Полина понимает: там, где замешаны большие деньги, не может быть и речи о случайностях или совпадениях, и берет ситуацию в свои руки...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Марина Серова

Наследница

дворянского гнезда

Глава 1

– Полетт, пожалей мою старость, – трагическим тенором вещал дед, – ты вообще знаешь, что только великие грешники уходят в мир иной, не прижав к груди внуков?

– Дедуль, ну где я тебе возьму внуков? – лениво и привычно отмахнулась я. – В подоле принесу?

– Мон ами, ты выражаешься, как кухарка, – поморщился Ариша, – хотя я вполне мог бы принять внебрачного младенца, зачатого от здорового и умного мужчины.

– Значит, ты не согласен с Инессой?

– В чем? – насторожился дед.

Инесса, нынешняя подруга Ариши, являлась для него непревзойденным авторитетом и последней инстанцией.

– Инесса говорит, что дети должны рождаться от первого мужчины, любимого и законного. Принесенные в подоле... пардон, внебрачные, не будут ни здоровыми, ни счастливыми.

– Правда? – сделал брови домиком дед. – Инесса так ска-

зала?

Он глубоко задумался, глядя в антрацит ночного окна, потом уверенно тряхнул головой и произнес:

– Завтра у нас будут гости. Мой старый друг Николая Зосимов и его внук, прекрасный молодой человек Вениамин. Будь добра, измени своему обыкновению и встретить их как хозяйка дома.

Знала я этого Венечку. Великолепный образчик занудства и снобизма.

– Деду-улечка, – заныла я, – я не могу, я завтра буду очень занята, у меня важное дело.

– Нет у тебя никакого важного дела, – отчеканил дед.

Видимо, в этот момент в нем проснулись предки со стороны отца, чекисты, по крайней мере, взгляд деда стал стальным, а осанка по-большевистски горделивой.

– Или ты выполняешь мою просьбу, может быть, одну из последних, или...

Голос его сорвался, дед театрально всплеснул руками и отвернулся к окну.

Горе его было наигранным, но аргументов, способных отразить нападение, у меня не нашлось. Поэтому я просто пожала плечами, не подтверждая свое согласие, но и не отказывая прямо. Скорее всего, Ариша на этом не остановился бы, но резкая трель мобильного телефона на время спасла меня от этой пытки.

– Полина, вы с сумасшедшими девушками умеете обра-

щаться? – вежливо прошелестел в телефонную трубку Вася. – Если умеете, то приезжайте срочно, один я не справляюсь.

– А Люся? – резонно поинтересовалась я. – Почему Люся тебе не помогает?

– Люся ревнует, – емко ответил Вася.

В другое время я ни за что не потащилась бы на заброшенное кладбище. Безопасности моих приятелей ничто не угрожало, неизвестной сумасшедшей девушке – тоже, что понадобилось ей в пристанище моих приятелей, было неизвестно. И вообще, выступать арбитром между умалишенными и бомжами – не мое хобби. Но звонок Васи предоставил мне прекрасную возможность ускользнуть из дома, денек намечался прелестный, чистый и звонкий, поэтому долго я не раздумывала. К тому же мне нравилась компания этих выкинутых на обочину жизни бедолаг. Редко кому выпадает удача иметь в знакомых абсолютно бесхитростных, бескорыстных и независтливых людей. В первое время я даже пыталась как-то вернуть их в среду обитания обычных обывателей, но все мои потуги наталкивались на столь ярое сопротивление, с каким обычно отстаивают частную собственность люди менее робкие, чем мои приятели.

– А что за девушка?

– Хорошая такая, беленькая, хоть и татарка. Плачет все время и про дедушку что-то лопочет.

– Хорошо, – недолго ломалась я, – буду через полчаса.

Не в моих правилах бросаться очертя голову с жилеткой под мышкой и носовым платком в кулачке на выручку первой попавшейся блондинке. Но смотрины, которыми грозил мне Ариша, требовалось предотвратить любой ценой, и последняя меня вполне устраивала.

– Все, дедуля, бегу на задание. Извини, работа, – лаконично и строго бросила я.

В конце концов, во мне тоже течет кровь чекистов. Смешанная, впрочем, с чистой голубой дворянской кровью моей прабабки, матери Аристарха Владиленовича, или Ариши, как ласково величаю я любимого и единственного моего родственника.

* * *

Я поставила машину возле пышно цветущего куста сирени, перелезла через полуразрушенную ограду и скользнула по знакомой тропинке. Можно, конечно, было пройти через главный вход, как и делали редкие посетители кладбища, но тогда мне пришлось бы долго брести до часовенки, в которой обитали мои друзья. К тому же шестое чувство, выработанное за время моей не совсем обычной деятельности, заставляло меня маскировать свой мини-купер от любопытных глаз даже тогда, когда в этом не было никакой необходимости.

За несколько шагов до часовенки, повинуясь все тому

же шестому чувству, я остановилась и прислушалась. Тихо, только ветер мягко играет новорожденными листочками кладбищенских посадок. Я ждала, и спустя пару минут до моего слуха долетело тихое монотонное бормотание Васи. Ему ответил незнакомый чистый женский голос. Я все так же тихо проскользнула к входу в часовню и замерла в дверях.

Еще в начале зимы Вася и Люся, не без моей помощи, конечно, благоустроили полуразрушенную часовню до уровня вполне пригодного для зимовки жилья. Плотная дверь, застекленное окно и буржуйка позволяли держать тепло, а добытая парочкой бомжей утварь создавала некое подобие уюта. У моих приятелей действительно были гости. На ящике, накрытом цветастым вязаным ковриком, сидела светловолосая хрупкая девушка в джинсах и голубой ветровке. Веки ее были припухшими от слез, но безумного блеска в глазах я не заметила. Одно из двух: приступ прошел сам собой либо Вася поставил неточный диагноз. Никаких признаков, хотя бы косвенно указывающих на наличие в ней татарской крови, я также не заметила. Интересно, откуда такие выводы сделал Вася?

При моем появлении вся честная компания притихла, Люся сунула в руки приятелю кружку с остатками буровой мутной жидкости, именуемой чаем, и вскочила.

– Вы тут сидите пока, а я с руководством потолкую, – деловито скомандовала она, проталкивая меня плечом подальше от выхода.

Пристроившись возле проржавевшей могильной оградки, затараторила, пришепетывая от волнения:

– Ты забери ее от греха подальше, Полинка, она хоть и тщедушная, и нерусь, но Васька с нее битый час глаз не сводит. Виданное ли дело, на меня почти руку поднял, когда я оплеуху ей залепила! А ведь он никогда меня не бил, даже когда мы со всеми на свалке жили, где сожительниц лупить принято. И по морде я заехала ей не со злобы, а в качестве лекарства, с ней истерика случилась.

– Не тараторь, – слегка отодвинулась я, – давай по порядку. Откуда взялась девица?

– Так Васька и привел! Я сижу, значит, никого не трогаю, sudoku разгадываю, и вдруг – на тебе! Мой Васятка со Снегурочкой этой. Ну, я понимаю, зимой бы приволок, но весной! Все порядочные Снегурки стаяли давно. Хотя, на мой взгляд, и эта потрепанная какая-то, жухлая. Волосенки сивенькие, тельце вяленькое, морда зареванная. Хотела сразу прогнать, а она в слезы: дедушку, видите ли, жалко.

Далее из сумбурного рассказа Люси я поняла, что девица действительно бродила по кладбищу в поисках свежей могилы своего недавно почившего родственника. Вася вырос перед ней, как черт из табакерки, но девушка не испугалась, а бросилась к нему навстречу и потребовала показать свежее захоронение. Вася пытался растолковать ей, что на этом кладбище уже лет пятьдесят никого не хоронили, но она то ли не понимала, то ли не хотела понимать. Вообще сложи-

лось впечатление, что девушка маленько коверкает слова. Поэтому Вася и принял ее за татарку. Хотя почему именно за татарку? Уж татары-то прекрасно владеют всеми известными российскими диалектами.

– С чего вы взяли, что она не в себе?

– Чего? – оторопело уставилась на меня Люся.

– Вася по телефону заявил мне, что ваша Снегурочка сумасшедшая, – пояснила я.

– Так потому и поняли. Кто же не знает, что на наше кладбище упокойников уже давно не носят?

– Может, и не все знают.

– Да мы ей битый час об этом толкуем! А она сразу в слезы и что-то про родовой долг, фамильный склеп, честь семьи. Совсем девка с катушек съехала. Говорит, пока могилу деда не найдет, с места не сдвинется.

– Так, может, вы ее не поняли? Может, дед ее был захоронен здесь как раз пятьдесят лет назад?

– А черт ее разберет. Вот иди и сама все выясняй. И, слушай, забери ее отсюда, а? Честное слово, получит она у меня еще раз по своей хилой морде. Так умильно на Васю смотрит, что у меня в ладонях зуд появляется. Хорошо, один раз душу отвела, когда с ней истерика заделалась. Во второй и покалечить могу, ты меня знаешь.

Мы вернулись в часовню. Девушка все продолжала греть руки о не совсем чистые бока кружки с чаем, Вася с озабоченным видом ожидал окончания консилиума.

– Как вас зовут? – кивнула я девушке.

В этот момент я так напомнила себе добрую фею из сказки, что чуть не фыркнула. Уж кто-кто, но фея из меня никогда бы не получилась. Не теми методами работаем.

– Марта Марсвин, – робко подняла голову Снегурочка.

Глаза ее были светло-серые, почти прозрачные.

– Вы ищете старое захоронение?

– Не старое, дедушка был совсем молодой, ему только недавно исполнилось шестьдесят пять лет, – запротестовала она.

– Вот видишь? – вспыхнула было Люся. – Ничего не понимает!

Я остановила поток ее красноречия жестом и продолжила дознание:

– Вас зовут Марта, вы ищете могилу своего не совсем старого дедушки на кладбище, на котором давно никого не хоронят, – подытожила я. – Я думаю, что вы просто перепутали место. Вы приезжая, я угадала? В городе есть другое кладбище, действующее, думаю, останки вашего родственника покоятся там.

– Покоятся, останки, – опять не удержалась Люся, – так бы и сказала: твоего предка зарыли там, где положено. Слушать противно!

– Не груби, – предостерегла я Люсю.

– Я поняла, – перебила меня девушка, и лицо ее озарилось улыбкой, – в вашем городке два кладбища!

– Молоток, вырастешь, кувалдой будешь, – опять буркнула Люся, – битый час ей о том талдычим.

Радостное выражение на лице девушки сменилось отчаянием:

– И все-таки я не успела. Я летела из Копенгагена на его похороны, и из-за какой-то ошибки не смогла проститься с единственным оставшимся в России родственником. Никогда у меня не получается ничего сделать правильно.

Лицо ее перекосилось, и глаза вмиг стали влажными и блестящими от слез.

– Водитель такси, наверное, не совсем меня понял. Я говорила про старого дедушку, а он привез меня на старое кладбище, – строила она предположения, почему попала не туда, куда надо, – теперь все пропало, я так и не успела.

Мне стало ее жалко. Обычный образчик недотепы, у которой все благие намерения рушатся из-за досадных случайностей.

– Может быть, на поминки успеете, – неуверенно предположила я, – во сколько должны были состояться похороны?

Она открыла сумочку, немного порылась в ней и достала скомканный клочок – международная телеграмма.

– Ваш дед, Матвей Васильевич Лепнин, скончался сегодня от сердечного приступа. Похороны состоятся двенадцатого мая в тринадцать часов на городском кладбище. Соболезнуем. Друзья покойного, – вслух зачитала я.

– Двенадцатого, – повторила я, – а сегодня двадцатое. Вы

действительно опоздали даже на поминки. Больше, чем на неделю.

– Как? – подняла глаза Марта. – Двенадцатого? А сегодня двадцатое? Я и числа перепутала? Всегда путала эти две цифры. Но телеграмма пришла только вчера, поэтому я подумала...

– Сколько лет вы живете в Дании? – мягко спросила я.

– С раннего детства. Отец мой русский, мама развелась с ним, когда мне было два года. Вышла замуж за датчанина и уехала из страны. Дома мама разговаривала со мной исключительно по-русски, поэтому оба языка для меня – родные.

– А ваша мама? Неужели и она не поняла, что телеграмма безнадежно опоздала?

– Мы давно не общаемся с ней. У нее своя жизнь, они с отчимом переехали в Вайле, а мне оставили квартиру в Копенгагене, в которой жили с момента переезда в страну. С бабушкой переписывалась я, он так и не смог до конца простить маме то, что она бросила родину ради любви и благополучия. Я, конечно, сообщила ей о кончине деда, но она не смогла поехать.

– Почему приехали вы? – спросила я в лоб. – Ведь, как я понимаю, вы почти не знали Матвея Васильевича?

– Знала, – вскинула она голову, – я помню, он приезжал, когда я была совсем маленькая. Он держал меня на коленях, смешно подбрасывал и декламировал стишок про кочки: «Ехали, ехали, в лес за орехами. Кочки-ямки, кочки-ям-

ки, в речку – бух». Я и боялась этого «бух», и ждала. Почему-то было так смешно и весело, так захватывало дух. После этого никто не подбрасывал меня на коленях.

Ее щедрые на слезы очи вновь налились влагой. У девушки стресс, поняла я, перелет, незнакомая страна, блуждание по кладбищу, странные люди Вася и Люся, оказавшие ей не менее странное гостеприимство.

– Я отвезу вас в гостиницу, – решила я, – а там решим, что делать. Думаю, стоит найти друзей вашего Матвея Васильевича. Они покажут вам могилу деда.

– Вы мне поможете? – схватила Марта меня за руку. – Если не поможете, я опять попаду куда-нибудь не туда.

Я хотела возмутиться, но вовремя вспомнила о грозящих мне смотринах с Веней Зосимовым. Сегодня Ариша отвязался, но завтра он опять заговорит о старости, внуках, моей пустой девичьей постели. Уж лучше несколько дней сопровождать суматошную и растерянную девицу, чем играть роль старой девы двадцати восьми лет, которая не может найти себе суженого традиционным способом.

– Я понимаю, что вы потратите на меня свое время, и хорошо заплачу, – неверно поняла она мои колебания.

Хотя почему неверно? Я же не просто буду выполнять работу таксиста. Вряд ли по адресу проживания ее деда она кого-то найдет, скорее всего, друзей Матвея Васильевича придется искать мне. Работа не совсем по профилю, но все-таки работа. Вернее, прикрыtie для Ариши с его неумной жаж-

дой выдать меня замуж.

* * *

Несмотря на стремление Марты как можно скорее посетить последнее пристанище деда, я уговорила ее отправиться в гостиницу. Спешить было уже некуда, ей необходимо было привести себя в порядок и немного успокоиться. К тому же мне хотелось провести разведку на местности без путающейся под ногами никчемной и ноющей девицы. В идеале, хорошо было бы поднести все интересующие ее сведения на блюдечке с голубой каемочкой и распрощаться. Что-то подсказывало мне, что она попросит меня быть ее гидом по захолустному Горовску, в котором провел жизнь обожаемый дед, которого она практически не помнила.

Интересно, что ею двигало? Вот не могу поверить, что молодая девица из заплесневевшего в своем благополучии Копенгагена бросила все, собралась в считанные часы и рванула в российское захолустье только для того, чтобы кинуть горсть земли в могилу того, кто двадцать лет назад качал ее на коленях. Или за словом «ностальгия» действительно стоит мощная, сметающая все на своем пути сила?

Не раздумывая долго и не тратя время на маскировку, я отправилась по адресу, который дала мне Марта. Ни у нее, ни у меня не нашлось обрывка бумаги, поэтому улицу, номер дома и квартиры Марта накорябала на обратной сторо-

не жестоко измочаленной телеграммы, которая сообщала о кончине деда. Дело, которым я занялась, и делом-то назвать было нельзя. Ни мне, ни русской эмигрантке ничего не угрожало, ее чести и материальному благополучию не был нанесен урон, никто не ломал ей жизнь и не покушался на самое дорогое. То есть не было у нее тех проблем, с которыми при-выкла иметь дело я.

Так получилось, что по воле кого-то сверху я стала помогать тем, кто не мог постоять за себя. Нет, я не консультировала обиженных на тему тонкостей составления сутяжных документов, не организовывала митингов протеста, я просто старалась повернуть линии судьбы заказчика и заказанного так, чтобы сотворенное зло вернулось к своему автору как можно быстрее. Допускаю, что провидение и само позаботилось бы об этом, но иногда ждать высшего возмездия приходится так долго... Впрочем, сегодня был не тот случай. Сегодня мне просто необходимо было создать видимость бурной деятельности и ускользнуть от простого женского счастья в том виде, в каком его предлагал мне Ариша.

Я нашла нужную улицу, дом, припарковала машину на обочине. Номер квартиры вылетел из головы, и я снова развернула замусоленную и политую слезами бумаженцию, в недалеком прошлом именуемую телеграммой. Вполне вероятно, что в квартире никого не окажется. Марта сказала, что дед, по ее предположению, жил один, других родственников у него не было. Если никто на мой звонок не откроет, пой-

дем проверенным путем, будем опрашивать соседей. Обычно на телеграммах не пишут адреса отправителя, но я сочла нужным проверить, нет ли на листке координат «друга», отправившего послание внучке Лепнина.

Увы, нет. А так хотелось решить проблему, не прилагая к этому никаких усилий! Я машинально пробежала текст глазами, и вдруг простейшая мысль пришла мне в голову: кстати, а почему это телеграмма пришла так поздно? По словам Марты, она собралась за один день, благо близкое знакомство с консулом российского посольства помогло уладить необходимые формальности. Сколько может идти международная телеграмма? Часы, не сутки же! Ну уж не неделю, точно. Если родственников вызывают на похороны, то вряд ли будут отправлять телеграмму задним числом да еще с таким опозданием. Непонятно. Получается, что «друзья» Матвея Васильевича и не больно-то хотели, чтобы родственники успели на похороны? А почему? Может, просто забыли за хлопотами и поздно спохватились? Или сыграло роль обычное российское разгильдяйство, и виноваты почтовые работники. А может... Что «может», я додумывать не стала. Сначала попробуем найти друзей Матвея Васильевича и место на кладбище, как и просила меня заказчица.

Как и следовало ожидать, на мой звонок в дверь никто не ответил. Не особо веря в удачу, я нажала на кнопки звонков нескольких соседних дверей – тишина. Конечно, а чего я хотела? Май, выходной, кто же добровольно будет сидеть дома?

У кого дача, у кого шашлык, кто-то просто забивает «козла» под липами во дворе или выгуливает собачку. Я не сочла первую попытку за неудачу, время у меня еще было. Кроме того, существовало множество более результативных путей выявления знакомых Лепнина, чем примитивный опрос соседей. Другая мысль не давала мне покоя – телеграмма. Какой-то назойливый червячок в моем сознании продолжал точить мне мозг: столь длительное опоздание не случайно.

Я решила себя не мучить и поехала в ближайшее отделение связи. Марта, скорее всего, сейчас отсыпается, домой она улетит только через неделю, успеет и на могилке поплакать, и город осмотреть, и милые сердцу безделушки забрать, и встретиться с адвокатом. Должен же был Матвей Васильевич оставить завещание: даже если он и был обычным нищим российским пенсионером, квартира чего-то да стоила. Даже по европейским меркам. Кстати, если Марте потребуются услуги специалиста, я вполне могла бы ей помочь и в этом. Все-таки дипломированный юрист с опытом работы. А что? Может быть, пора закончить с экстремальной деятельностью на грани законности и с высокой степенью риска и заняться спокойной, нудной, благополучной юридической практикой?

Скептически хмыкнув в ответ на свой внутренний душевный порыв, я толкнула дверь отделения связи и подошла к единственной сотруднице. Признаться, не дружу я почему-то с почтовыми работниками. Не понимаю, им не нрав-

люсь конкретно я или все посетители? Почему-то на любой мой предельно вежливый вопрос эти дамы либо даже не поворачивают головы, либо обливают меня таким вязким презрением, что желание обращаться к ним пропадает надолго. Хотя, господа, скажите откровенно, есть ли среди вас мазохисты, посещающие это унылое заведение просто из спортивного интереса? Желания поразвлечься? Возможности поцапаться с сотрудницами? Стремления постоять пару часов в очереди? Вот то-то и оно. Все мы оказываемся там только по крайней необходимости.

Памятуя о прежних, не совсем удачных попытках общения с дамами за стойкой, я не стала особенно церемониться и выложила на стойку до неприличности измятую телеграмму:

- Кто принимал телеграммы десятого числа сего месяца?
- Ну, моя смена была, – удосужили меня ответом.
- Значит, вам знаком этот текст.

Женщина за стойкой, чем-то похожая на постаревшую мопсиху, сердито глянула на меня поверх очков, но телеграмму взяла. Морщась от недовольства, вчиталась в текст, поиграла бровями, будто что-то припоминая, и швырнула мне в лицо мятый бланк:

– Вы чего мне даете? Вы думаете, я буду это читать? Из какой ж... вы ее достали? Может, она в помойке валялась, а вы ее культурным людям в руки суваете? Идите отсюда, не мешайте работать, только очередь создаете.

Столь бурной реакции, признаюсь, я не ожидала. И мне она не понравилась. К тому же в зале толкалась всего пара посетителей, и те рассматривали газеты на стойке, поэтому ее заявление об искусственно создаваемой мною очереди было, по меньшей мере, беспочвенно. Не торопясь, я нагнулась, подобрала упавший на пол бланк, вернула его на стойку пред заплывшие очи «мопсихи».

– Значит, телеграмму принимали вы, – утвердительно сказала я.

– А я помню? Много вас тут таких шатается.

Помнит, помнит, решила я, уж больно глазки бегают. Да и взрыв негодования чересчур бурный, обычно даже самые вредные почтовые работники ограничиваются парочкой нейтрально-ехидных фраз. Из опыта я знала, что размахивать какими бы то ни было корочками и кичиться связями, которые могли бы лишить даму карьеры, бесполезно. За свое место она не так уж и держится, да и не поднимется ни у кого рука прогнать ее с этого места – заработок низкий, работенка невеселая. Поэтому, не отрывая взгляда от колючих глаз «мопсихи», я убрала телеграмму в карман:

– Хорошо. Теперь мне все понятно.

Ничего мне не было понятно, кроме того, что колючая дама узнала телеграмму и чувствует за собой какую-то вину. Какую – выясним позже. Только обдумаем положение и найдем к ней подход. Жаль, что я успела ее насторожить. А может, это и к лучшему. Вложив в свой взгляд как можно боль-

ше официальной строгости, я пару секунд смотрела ей в глаза, потом резко развернулась на каблуках и направилась к выходу.

– Эй, ты, – не выдержала «мопсиха», – погоди. Чего хотела-то?

Зацепило, поняла я, теперь главное – не сойти до роли просительницы. Эту роль мы оставим ей. Никак не реагируя на оклик, я вышла за дверь и медленно направилась к своему авто. Жаль, что не курю, можно было бы без риска показаться заинтересованной несколько минут помаячить возле большого витринного окна отделения связи. Впрочем, в запасе у меня была бомбочка гораздо более действенная, чем сигарета. Я заняла позицию перед окном, достала сотовый, сосредоточенно потыкала пальцем в кнопки, насупила брови и поднесла трубку к уху. Хотя я и стояла вполоборота к стеклу, мне было прекрасно видно все, что делается в операционном зале отделения связи. «Мопсиха» что-то крикнула в сторону служебного помещения, выскочила из-за стойки и метнулась к выходу.

– Да, товарищ полковник, – негромко, но чеканно произнесла я в трубку, когда поняла, что меня уже подслушивают, – никак нет, вину свою не признает... да, думаю, стоит применить план «Б», вызывайте отряд быстрого реагирования... где будем брать? Думаю, возле подъезда ее дома... соседи? Не помешают. Граждане России должны знать предателей Родины в лицо. Спрашиваете, когда она заканчивает

работу?

Почти строевым шагом я промаршировала к вывеске, информирующей о часах работы почтового отделения, и продиктовала в глухо молчащую трубку часы работы. Не оборачиваясь на замершую за моей спиной «мопсиху», продефилировала мимо своего мини-купера и завернула за угол. Потом бегом обогнула небольшое здание отделения связи и подошла к раскрытой двери с другой стороны. Как я и надеялась, преступная почтальонша для своего звонка выбрала то же место, что и я. Наверное, думала, что в помещении подслушать ее разговор было бы значительно легче. Конспираторша! Мы стояли по разные стороны открытой двери, она говорила, а я слушала.

– И чего мне делать? – продолжала «мопсиха» начатый разговор. – Сказать, что под стол завалилась, а нашлась только через неделю? А вы знаете, что меня за это могут премии лишить? Я однажды на полдня позже телеграмму отправила, так столько дерьма огребла, чуть с сердцем плохо не стало... да, нервничаю, и не просто нервничаю, и если что, сразу на вас валить буду, что это вы мне велели телеграмму на недельку придержать и запугивали. Уж не беспокойтесь, найду, что сказать... сколько, говорите? Мало. Мне в застенках из-за вас томиться, а вы мне копейку жалеете?

Торговалась она еще долго, из разговора я поняла, что «мопсихе» предлагают на время затаиться, может быть, даже отпроситься у начальства на пару дней и посидеть дома,

и если продолжения не последует, выйти из подполья. Кажется, напугала я ее лихо. Это с одной стороны. А с другой, даже перед структурами власти в наше время трепещет тот, кто действительно чувствует за собой серьезную вину. Скорее всего, ей неплохо заплатили за то, чтобы она придержала телеграмму на возможно долгое время. Почему придержала? Можно было вообще «затерять» ее на просторах эфира. Значит, она все-таки должна была найти своего адресата, но найти несколько позже положенного срока.

Где-то в животе почему-то зашевелился червячок азарта. Кажется, не все так просто в безвременной кончине предка моей нечаянной клиентки. И хотя никто не поручал мне вести расследование этого мутного дела, да и расследование преступлений – не моя стезя, остановиться я уже не могла. А может, все было куда проще. Может быть, мне просто захотелось вывести на чистую воду и дать чувствительный щелбан наглой «мопсике», которая корысти ради запутала бесполовую, наивную Снегурочку-Марту?

Глава 2

Вторая моя попытка наведаться в квартиру почившего Лепнина оказалась более удачной. Ответом на мой звонок послужили быстрые шаги за дверью. Я уже приготовилась через закрытую дверь объяснять, кто я такая и что мне нужно, но этого не потребовалось: щелкнул замок, и передо мной предстал симпатичный мужчина почтенного возраста, подтянутый, высокий, с ухоженной седоватой бородкой, цепким взглядом и открытой улыбкой. Он долго смотрел мне прямо в глаза, потом протянул руки, и не успела я опомниться, как старик притянул меня к себе и прижал к пахнувшей приятной туалетной водой груди:

– Машенька, девочка наша... не успела...

– Я не Машенька, – затрепыхалась я у него в руках, но старик так крепко прижал мое лицо к своему джемперу, что вместо слов получилась какая-то невразумительная каша.

Не давая мне опомниться, он потянул меня в квартиру, усадил в кресло, наклонил в сторону голову, будто внимательная собака, и стал пристально рассматривать. Обычно я не испытываю робости в подобных ситуациях, но сейчас разговор почему-то не начинался.

– Я не Машенька, – решила наконец продублировать я.

– Конечно, – звонко хлопнул он себя рукой по лбу, – в Дании тебя зовут Марта. Но мой друг никогда не называл

тебя этим именем. Для него ты – Машенька. Устала с дороги? – не дал он мне возможности в который раз исправить ошибку. – Ничего, сейчас отдохнешь. Квартира деда в твоём полном распоряжении, никто тебе не мешает. А ты мало изменилась. Правда, я видел только твои детские фотографии, но даже по ним узнать тебя очень легко. Те же светлые волосы, тонкая кость, аристократический профиль. Кстати, забыл представиться.

Он легко вскочил со стула, наклонил голову в изящном полупоклоне:

– Петр Алексеевич Норбеков. Друг вашего деда.

– Как вы догадались, что я приеду с опозданием? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Ничего я и не догадался, – пожал плечами Петр Алексеевич, – мы ждали вас, Машенька, двенадцатого. Но я понимаю, билеты, виза... кстати, как вам вообще удалось так быстро раздобыть визу? Насколько мне известно, оформление шенгенской занимает от трех недель.

– Связи, – туманно ответила я.

– А почему ты решила, что я тебя ждал? – вернулся друг почившего к незаконченному разговору, незаметно перейдя на «ты».

– Вы, не раздумывая, заключили меня в объятия как внучку Матвея Васильевича. А я могла быть почтальоном, коммивояжером, социальным работником – кем угодно!

– Я узнал тебя, – упрямо повторил он, – я видел твои дет-

ские фотографии.

– Ничего подобного, – безжалостно опровергла я, – если и видели чьи-то фотографии, то явно не мои. И зовут меня не Маша и не Марта.

По лицу Петра Алексеевича проскользнула тень досады, которая тут же сменилась конфузливой улыбкой.

– Действительно, старый дурак. Сколько лет уже в современном мире живу, а все полагаюсь на интуицию и первое впечатление. Хорошо, что вы оказались порядочной девушкой, а будь на вашем месте какая-нибудь проходимка? Взяли бы ключи, свистнули напарника и вынесли ночью все барахлишко покойного. Вы уж извините меня за прямолинейность, сами понимаете, какое время.

– Понимаю, понимаю, – успокоила его я и, предупреждая закономерный вопрос, отрекомендовалась: – Я случайная знакомая Марты. Она с непривычки несколько растерялась, вот и попросила меня помочь ей найти старых друзей и могилу деда. Думаю, первую часть задания я выполнила. Дело за второй.

– Да-а, – протянул Петр Алексеевич, – вот ведь как судьба играет. Приехала единственная внучка и вынуждена нанимать агента для того, чтобы найти место, где нашел последний приют ее дед. Вы частный детектив? Я правильно понял?

– Вовсе нет, – легкомысленно махнула рукой я, – у меня, правда, есть юридическое образование, но ни сыском, ни судебным делом я никогда не занималась. Тружусь в турфир-

ме юрисконсультом. Кстати, именно благодаря моей работе мы с Мартой и познакомились. Я возвращалась из командировки, наши места в самолете оказались рядом, разговорились. Марта пожаловалась мне на некоторую робость перед посещением исторической родины, я и согласилась оказать ей эту маленькую услугу.

Лукавила я больше по привычке, чем по необходимости. Так, на всякий случай.

– За небольшое вознаграждение, конечно, – хитро прищурился старик.

– Угадали, – зарделась я, – но ведь в этом нет ничего плохого? Я трачу свое время, почему бы Марте не компенсировать мне эти затраты?

Петр Алексеевич вдруг ударил себя ладонями по коленям и звонко рассмеялся:

– Не надо оправдываться передо мной, милая девушка, – вытирая выступившие от смеха слезы, ответил он, – я все прекрасно понимаю.

– А почему смеетесь? – насупилась я.

– Не обижайтесь, ради бога, это я над собой. В какой-то момент, признаюсь, принял вас за авантюристку и немного напрягся. Но теперь все недоразумения разрешены, и я очень рад, что между мной и Машенькой будет посредник. Я как раз соображал, как преподнести ей некоторые факты из жизни ее деда, о которых она, кажется, ничего не знает. А раз вы уже нашли общий язык, вы мне и поможете. Не обижай-

тесь, повторяю, но будьте любезны, покажите ваш паспорт. Для ликвидации последних сомнений, так сказать.

Паспорт – пожалуйста. Когда-то по случаю я купила себе поддельный паспорт у каких-то жуликов. Документ неплохого качества, с моей фотографией. Естественно, демонстрировать его в официальных учреждениях я побоялась бы, но для других случаев использовала беспощадно: например, для покупки билета на самолет или поезд, оформления авто напрокат, проникновения в общежития, читальные залы и прочие учреждения, на вахте которых требовали оставить документ. Поэтому вид он имел такой, какой надо: потертые уголки, выдававшая виды обложка. Фамилия и прочие данные под фотографией были, естественно, не мои. Да и сама фотография была довольно невнятной. Нехорошо, конечно, но очень удобно.

Петр Алексеевич, шевеля губами, попробовал на вкус мои имя и фамилию, проверил страницу с пропиской.

– Ну-с, дорогая Элеонора Сергеевна, пройдемте на кухню. Я должен вам многое рассказать.

Итак, отныне для Марты и друга ее деда я буду Элкой, а не Полиной. Зачем я представилась ему не своим именем? Скорее, по привычке. Я вообще никогда не называю свое имя случайным знакомым и особенно неслучайным.

Проблема, ожидающая Марту, оказалась довольно неприятной. Оказалось, что незадолго до смерти ее дед, Матвей Васильевич, женился. Женился на женщине гораздо моложе себя, ловкой, пробивной, нагловатой. Так что отныне вопрос наследства переставал быть настолько ясным и четким – у Марты образовалась конкурентка. Когда я заикнулась о завещании, Петр Алексеевич только горестно вздохнул: никакого завещания найдено не было. Может быть, оно и было, но кто поручится, что молодая жена не уничтожила его сразу после смерти супруга?

Самое непонятное заключалось в том, что и определенности-то никакой не было: жена Лепнина, Ирина Волкова, исчезла сразу после похорон, не оставив своих координат никому – ни друзьям, ни соседям. Петр Алексеевич предполагал, что она ожидала приезда наследницы и посчитала правильным исчезнуть на то время, пока девушка будет находиться в России. И правильно: вечно сидеть в Горовске Марта не будет, срок действия визы ограничен, а квартира в провинциальном городе да кое-какой скарб не так дорого стоят, чтобы из-за него затевать судебную тяжбу в ставшей чужой для тебя стране.

– Я тоже думаю, что Машенька не станет надолго задерживаться в России, – подытожил Петр Алексеевич, – но я

не согласен и с тем, что хапуги и стяжатели должны спокойно наслаждаться тем, что не принадлежит им по праву. Это огромная удача, что вы познакомились с Машенькой и завоевали ее доверие.

Проиграв эту прелюдию, он предложил мне стать доверенным лицом Марты и представлять ее дела в России после того, как девушка вернется в Копенгаген.

Напустив на лоб глубокомысленные морщины, я задумалась:

– А сколько это будет стоить? Понимаете, для того, чтобы бегать по судам, мне, может быть, придется уволиться с работы. Оплата должна не просто компенсировать расходы, но и несколько перекрыть их: кто знает, как быстро я найду работу после выполнения этого поручения?

– Можете взять отпуск за свой счет, – торговался Петр Алексеевич.

– Подобные дела тянутся годами, – парировала я.

– Да, наверное, я переоценил ваши возможности, – с сожалением протянул он, – а так хотелось, чтобы Машеньке помог человек юридически грамотный, формально не заинтересованный в исходе дела и такой симпатичный, как вы. Ну что же, не все наши пожелания исполняются. Обойдемся своими силами. Но хоть первое-то время вы побудете с девочкой? Вижу, вы нашли с ней контакт, а подруга всегда найдет лучшие слова для облегчения горя, свалившегося на юную душу.

Высокопарно, отметила я про себя, и неискренне. Находить слова утешения – как раз привилегия людей более мудрого возраста. А еще мне показалось, что Петр Алексеевич как-то уж больно быстро и легко принял мой отказ. Словно очень надеялся на то, что я не буду лезть не в свое дело. Впрочем, может быть, мне это только казалось.

– Я привезу Марту через полчаса, – решила я.

– А она точно отдохнула? Может быть, сегодня ей лучше переночевать в гостинице?

Ну уж нет, решила я, сегодня мы будем ночевать в родовом гнезде. И ночевать будем вместе. Петр Алексеевич опять легко согласился с моим решением, задним числом оговорился, что вообще-то зашел полить цветочки, и поставил перед фактом, что дождется нас в квартире друга. Выгонять его из дома у меня не было полномочий, поэтому пришлось согласиться с его пребыванием в доме Лепнина на какое-то время, хотя мне этого очень не хотелось. Чего я боялась? Скорее всего, того, что он найдет что-то не предназначенное для чужих глаз, то же завещание, наконец. Почему-то мне хотелось, чтобы наследство деда досталось его единственной внучке, немного бестолковой и запоздало-сентиментальной Марте Марсвин или, в русском варианте, Машеньке Лепниной. А друг ей или враг Петр Алексеевич Норбеков, я пока не разобралась.

Ну, с мачехой все понятно. А как называть внучке новую жену своего деда? Известие о том, что ее престарелый родственник женился на молодой, казалось, ничуть не огорчило Марту. Вот что значит европейский менталитет.

– Я и не думала о наследстве, – несколько небрежно бросила она через плечо, собирая волосы в хвостик перед зеркалом, – среди нас, эмигрантов, никогда не ходили легенды о свалившемся после смерти российского родственника богатстве. Мечты о подобном – ваша привилегия.

Сейчас, когда она справилась с растерянностью, накатившей на нее после приезда на историческую родину, девушка уже не казалась мне такой уж беззащитной и неприспособленной к жизни. Скорее всего, ее выбили из колеи нахлынувшие эмоции, несоответствие желаемого и действительного, особенности русской провинции. Адаптировалась она быстро.

– Понимаешь, Полина, – откровенничала Марта, – мама смогла обеспечить мне довольно-таки сносный достаток. Запросы у меня небольшие, и все их я легко могу удовлетворить. И приехала я сюда, скорее, из желания избавиться от комплекса вины перед дедом. Я давно собиралась навестить его, а за суетой все откладывала и откладывала. Он был здоров физически, никогда не жаловался на сердце. Да и лет ему

было не так уж и много, по определенным меркам – самый расцвет. Многие мужчины в этом возрасте еще и детей заводят, и ничего, здоровые и красивые дети получаются. Поэтому я и обрадовалась, что у него новая молодая жена. Кстати, ты не в курсе, с тетушкой или дядей в подгузниках мне знакомиться не придется?

– Не думаю, – ответила я. – Ирина молодая, конечно, относительно твоего деда, но вряд ли решит рожать в сорок лет.

– А жаль, – уронила девушка, – хотелось бы сохранить фамилию. Знаешь, ведь мой дед принадлежал к старинному дворянскому роду. В нашей семье об этом стали говорить не так давно, несколько десятилетий тщательно скрывали.

– Интересно, – уронила я, не особенно, впрочем, удивившись.

В наше время многие пытаются раскопать свою родословную. Сколько еще неизвестных отпрысков великих русских фамилий живут и не знают, что их пращуры приседали в поклоне перед императрицей или вершили судьбу государства Российского.

Разговор продолжили уже в машине. Ободренная тем, что Марта адекватно отреагировала на новость о новой родственнице, я выложила перед ней свои соображения и по поводу возни вокруг похорон ее деда. Если исчезновение Ирины Волковой можно было оправдать желанием вдовы унести свое горе подальше от чужих глаз, то путаница с телеграм-

мой не казалась такой уж естественной.

– Если ты считаешь, что я зря мучу воду, скажи. Я только лишь изложила тебе свои соображения.

– Мне надо подумать, – благоразумно ответила Марта.

На этом разговор пришлось закончить, мы подъехали к дому Лепнина. Я напомнила Марте, что при посторонних я – Элеонора, и нажала на кнопку звонка. Петр Алексеевич так же трогательно, как часом ранее меня, прижал к груди Марту, по-хозяйски залез в холодильник, достал немудреную закуску и бутылку водки:

– Помянуть надо. А потом я расскажу тебе о последних днях жизни деда. Они были светлыми и безмятежными, ничто не говорило о том, что скоро его не станет. Да и умер мой друг во сне.

Я почувствовала себя лишней. Собственно, легкомысленно взятые на себя обязательства я выполнила, нашла великолепного гида по последним годам жизни Матвея Лепнина. Он Марту и на кладбище проводит, и на вопросы ее ответит. А если этого ей будет мало, она всегда сможет меня найти. Я посмотрела на мирно сидящих рука об руку Марту и Петра Норбекова и испытала минутную досаду за свое вмешательство в дела этих совершенно посторонних мне людей. И чего мне спокойно на месте не сидится?

Домой я возвращалась с видом нашкодившего щенка. Де-жа-вю: когда-то со мной подобное уже было. Еще живы были родители, я прогуляла музыкальную школу. Знала, что со- врать не смогу, и шла домой, как разведчик, проваливший явку. С одной стороны, распирает гордость за собственную храбрость и проявление характера, с другой – понимаю, что кругом неправда. Ругать меня не будут, но мама расстроится, папа с осуждением покачает головой, дед презрительно фыркнет. Как много я отдала бы за то, чтобы сегодня не только Ариша отчитал меня за прогулянные смотрины!

Я нажала на педаль газа: почему-то остро и немедленно захотелось увидеть деда. А ведь он старше, чем Матвей Лепнин. И за сердце часто хватается. Обычно я воспринимаю это как позерство, элемент давления на меня, непокорную. А если... Я похолодела. Кроме Ариши, у меня не было никого, если не считать верную подругу Алину. Но дружба – это другое.

– Прости, дедулечка, – повисла я на шее у деда, – я так тебя люблю! У меня действительно было очень важное дело, я никак не могла освободиться раньше.

Ариша с подозрением посмотрел в мои умоляющие глаза: – Я и не ждал, что ты придешь вовремя, дорогая. Почти тридцать лет твоим воспитанием занимаюсь. Поэтому по-

просил отложить визит. Только не думай, что я и дальше позволю тебе растрачивать вхолостую драгоценную молодость. Визит Зосимовых никто не отменял, я просто перенес его на более удобное время.

– Зосимовы так Зосимовы, – пошла на компромисс я.

В конце концов, ради любимого Ариши можно вечерок поиграть роль старой девы на выданье. Смогла же превратить пушкинская Лиза смотрины в полное безобразие, смогу и я. Неужели я не сумею сделать так, что перспективный жених будет счастлив навсегда отказаться от моего общества? Да легко! Гораздо легче, чем влюбить в себя кого-то.

– У тебя в комнате Алина, – купившись на мою невинную мордашку, подобрел дед, – ждет второй час. Говорит, телефон недоступен.

Я включила телефон и поднялась к себе. Есть такая дурная привычка, которой я совершенно не стесняюсь, – отключаю сотовый, когда боюсь, что мне помешают.

Алина сидела за компьютером и даже не обернулась на мое «привет». Все ясно, у моей подруги новое увлечение. Ничего, бывает. С периодичностью приблизительно раз в месяц Алинка заболевает какой-нибудь идеей, переворачивает все вверх дном в попытках ее реализации, и когда достигает более-менее заметных результатов, столь же мгновенно остывает. Судя по остервенению, с которым она была по кнопкам клавиатуры, у нее начинался новый творческий период.

Я заглянула через плечо и прочитала заголовок статьи на экране: «Замороженные клады». Все предельно ясно, кажется, на этот раз мне не повезло, и хотя газонная трава в моем садике, удачно посаженная прошлой весной и прекрасно перенесшая зиму, уже набрала силу, жить ей, скорее всего, осталось недолго. В первую очередь Алина ставит эксперименты именно на территории моего загородного дома. Ну, ничего. Во всем можно найти позитив. После того как подруга перекопает газон в поисках клада, на его месте вполне можно будет посеять картошку. Или посадить? Что делают огородники с картошкой, я решительно не знала. Через месяц подкину идею садоводства-огородничества Алине, она и разведает. Глядишь, еще и селекционное открытие какое-нибудь совершит.

– Я заказала на твой адрес грунтовой металлоискатель, – бросила подруга мне через плечо, не отрываясь от компьютера, – вам в коттеджный поселок открыточки с почты приносят или сразу посылку на дом доставляют? Если извещение принесут, доедешь до почты, заберешь. И денег захвати, баксов триста-четыреста, он наложенным платежом придет. Все равно мне его у тебя хранить придется, дома и так тесно.

– Мне не нужен металлоискатель, – попыталась возразить я.

– Как это не нужен? – возмутилась подруга. – Да ты знаешь, какая это полезная штука в хозяйстве? С ним не только клады искать можно, но и драгоценности, монеты, золотые

самородки в техногенных отвалах.

– У нас поблизости нет отвалов, – выдала я свой аргумент, не совсем представляя, о чем говорю.

– А цепочку на пляже ты никогда не теряла? – с ехидством возразила Алина. – Да с этой штукой можно не только свою цепочку найти, а ведро золота на пляже насобирать!

– Боюсь, мне в ближайшее время будет некогда, – все еще держалась я, – дел по горло.

– А у меня, по-твоему, совсем дел нет, да? Я, между прочим, еще и работаю, в отличие от тебя, дармоедки.

Я заранее знала, что в нашей словесной перепалке победит Алина, и мне все равно придется тащиться на почту за ее металлоискателем, но вредность не позволяла сдаться без боя.

– Ты-то, может, и работаешь, а вот зарабатываю – я, – ехидно уронила я.

Мне действительно неплохо платили за выполненную работу. Оно и понятно, о специалистах моего профиля, если выражаться казенным языком, на просторах России я еще не слышала. Экзотическая услуга «отмщение за...» не рекламировалась в газетах, не обсуждалась в прочих средствах массовой информации, не указывалась в трудовой книжке. О характере моей работы знали только самые близкие мне люди, Алина входила в их число. И тем не менее недостатка в заказчиках у меня не было.

Как и следовало ожидать, Алинка обиделась:

– Конечно, если бы у меня были такие возможности, как у тебя, я бы тоже, может, уже давно свой загородный дом отстроила и делом занялась. А мне приходится жить в квартире и на работу каждый день ходить. Это классовая несправедливость, а ты – эксплуататор чужого труда. Как только проблемы возникнут, сразу ко мне бежишь, а помочь в ерунде – тебе некогда. Не буду больше с тобой дружить.

В чем-то подруга была права. Она часто выполняла для меня деликатные поручения, которые я не могла доверить никому, кроме нее.

– Убедила, – перестала задираться я, – заберу твой детектор. Только клады на моем участке ты искать не будешь. Котеджный поселок построен на чистом поле, никаких древних строений при возведении домов не обнаружено, так что искать здесь нечего. Вон, иди в лес, наверняка там разбойники свои сокровища прятали.

– Не учи, – быстро отошла от обиды Алина, – я теорию уже почти изучила, к тому же у меня консультанты есть, помогут.

– Бомжи? Наркоманы? – насторожилась я.

Часто подруга не только перебиралась ко мне жить, но и пыталась привести с собой команду единомышленников. Дом у меня большой, к сожалению, свободного места много, а подруга ни на минуту не могла забыть о своих увлечениях, нужные люди должны были находиться при ней постоянно.

– Студенты и бывшие десантники, – «успокоила» она ме-

ня.

Вечер закончился тихо. Мы поужинали без особого аппетита — я не люблю и не умею готовить, и разбрелись по комнатам. Хотя у Алины в моем доме была отдельная спальня, ночь она провела в моей комнате, за компьютером. Под монотонное клацанье клавиш клавиатуры я и уснула.

Уснула, не зная, в жерло какого мощного вулкана собственными руками запустила бикфордов шнур.

* * *

Звонок мобильного, казалось, звучал так громко, что сон покинул меня в одно мгновение. Я бросила взгляд на Алину, уснувшую за компьютером, и выскочила за дверь своей спальни. Если подругу разбудить не вовремя, да еще в ее законный выходной, настроение будет испорчено на весь день. Причем у всех окружающих.

— Полина? — прошелестел в трубку знакомый тихий голосок. — Я вас не разбудила?

— Доброе утро, Марта, — не стала отвечать на риторический вопрос я, — как спалось на новом месте?

— Никак, — усмехнулась она в трубку, — я не ложилась спать.

Проводив Петра Алексеевича, девушка закрылась на все замки, включила свет во всех комнатах и принялась исследовать квартиру. Интересовали ее, в первую очередь, книж-

ные шкафы, домашние фотоальбомы, содержимое ящиков письменного стола деда. Мельком просмотрев ни о чем не говорящие ей бумаги и изучив кругозор деда в литературном плане, Марта дотащила до дивана тяжелые, в выцветших и потертых обложках фотоальбомы, принесла из кухни большую чашку крепкого чая со сгущенным молоком, которое нашла в холодильнике, и начала изучать фотохронику жизни человека, на встречу с которым опоздала. Занятие оказалась увлекательным, Матвей Васильевич был весьма неплохим фотографом и путешественником, в альбомах практически не наблюдалось картинок застолий и сухих групповых портретов. Но когда девушке в руки попал самый старый альбом, в настоящем кожаном переплете, она забыла обо всем: о времени, о том, что находится в этом доме первый раз, о том, что за окнами – холодная и пока чужая для нее Россия.

В альбоме были старые фотографии, выполненные в технике «сепия», напечатанные на плотном картоне. Силуэты и лица, изображенные на них, были обозначены тонко и четко, и одновременно мягко, приглушенно. Страниц в альбоме было мало, на каждой из них – по одной фотографии. Элегантно одетые дамы, господа с тросточками и виртуозно закрученными усами, младенцы в пене белых кружев – кто они? Родственники? Марта рассмотрела их быстро и с сожалением закрыла последнюю страницу. Альбом казался таким толстым! А все – иллюзия. Интересно, для чего было делать такой массивный переплет? Девушка с досадой пере-

ложила тяжелый том в другую стопу и потянулась за следующим. Неровная горка поехала, и драгоценные фолианты посыпались на не совсем чистый пол. Больше всего досталось старому кожаному альбому – его угораздило упасть прямо на торец переплета.

– И знаешь, что я обнаружила?

– Догадываюсь, – констатировала я, – тайник. Золото, бриллианты?

Марта не воспитывалась на культовых советских комедиях, поэтому шутку не поддержала:

– Дневник! Я нашла записи моего деда!

А это уже было интереснее, чем сокровища. По крайней мере, для меня.

– Еду, – не стала я мучить телефон и через пятнадцать минут уже заводила свой мини-купер.

Природа не одарила меня яркой натуральной красотой, девушки, подобные мне по типу внешности, просто обязаны не меньше сорока минут проводить перед зеркалом, перед тем как явить себя миру. Но я часто позволяла себе пренебрегать некоторыми женскими правилами и обязательный утренний макияж считала признаком провинциальности. Вернее, разрешала себе считать, когда мне это было удобно.

– Ты уже их читала? – задала я вопрос Марте, едва переступила порог квартиры.

– Всю ночь этим занималась.

– Интересное что-нибудь нашла?

– Ты даже не представляешь. Там такое! Да ты сама посмотри. Только... – замялась Марта, – немного попозже. Пять минут назад мне позвонил Петр Алексеевич и сказал, что заедет за мной, поедет на кладбище.

– Да, на могилку, – вспомнила я.

– Не совсем, – качнула головой Марта, – деда кремировали. Петр Алексеевич говорил, что на кремации настояла его жена, Ирина.

– Не нравится мне все это, – пробубнила я себе под нос, – телеграмма затерялась, тело сожгли. Так что в дневниках?

– В двух словах, история нашей семьи и проект деда, – заторопилась Марта.

И всего-то? Из-за этого я мчалась сюда в такую рань? Марта уловила тень разочарования на моем лице и молниеносно сделала правильный вывод:

– Я позвала тебя не затем, чтобы заставлять рассматривать семейные фото и запоминать даты рождения и степени родства. В этих записях действительно много интересного, но я не совсем понимаю, что с этим всем делать. Надеюсь, пригодится твой юридический опыт.

Я сомневалась. С одной стороны, не хотелось отказывать милой девушке Марте. С другой, раньше я никогда не соблазнялась на столь монотонный и незамысловатый труд.

– Я могу нанять юриста из агентства, – предупредила Марта мое предложение, – но я пока сама не разобралась, что

стоит за этими записями. Не хочется посвящать постороннего человека в семейные тайны. Соглашайся.

– Я просмотрю записи, – приняла я решение, – а потом скажу, есть ли в них что-то, что могло бы заинтересовать меня. Да и тебя тоже. Петру Алексеевичу не говори, что я у тебя осталась. Не из осторожности, просто на всякий случай.

Марта чмокнула меня в щеку и выскочила за дверь. Петр Алексеевич уже сигналил под окном из слегка потрепанной «девятки», я проводила тронувшуюся машину взглядом и взяла в руки альбом. Переплет его действительно имел двойное дно, но, на мой взгляд, это не было тайником, скорее, игрой фантазии дизайнера. Этакое «два в одном», дневник и иллюстрации к нему. Правда, не зная о секрете, обнаружить дневник было нелегко. Я отложила альбом и раскрыла тетрадь на первой странице.

Глава 3

Марта оказалась права, ее предки по линии деда действительно принадлежали к старой и известной дворянской ветви. Впервые их фамилия зазвучала в исторических источниках в четырнадцатом веке, и с тех пор потомки Лепниных время от времени упоминались в сборниках и документах разных эпох. Кто-то из них мирно нежилась всю жизнь в своем имении, повторяя судьбу и стиль жизни Ильи Ильича Обломова, кто-то оскандалился участием в смутах и восстаниях, кто-то верно служил царю и Отечеству.

Одним из самых ярких представителей фамилии считался граф Александр Лепнин, живший во времена Екатерины Великой. Говорят, его связывали особые отношения с императрицей, по крайней мере, она даже удостоила его поместье своим посещением во время одного из путешествий. Ничем примечательным удивить Великую хозяйин не мог, разве только добротным и просторным домом, ухоженным садом с купальней и своей гордостью – заводом по производству масла и сыра.

Впрочем, визитом императрица осталась довольна и в память о нем оставила графу бесценную золотую табакерку, контракт на поставку сыра и масла к столу ее величества и липовую аллею, ведущую к парадному входу в графский дом. Липы были срочно доставлены из ближайшего питом-

ника по ее приказу и высажены под присмотром дарительницы за один день.

Вторым ярким представителем рода, оставившим след в истории, был потомок Александра, последний из живущих в России, граф Константин Лепнин. Карьеры при дворе он не сделал, на полях сражений не блистал, сердца дам не завоевывал, но стезю себе выбрал не менее благородную и более полезную. Граф, поварившись в котле столичной жизни, вернулся в свое родовое имение и решил заняться сотворением образцового кусочка России в отдельно взятом имении. Размахнулся он широко, замыслы были грандиозны, но вопреки обыкновению вполне решаемы. Для воплощения их в жизнь у Константина было все: средства, характер, умение находить нужных людей, прекрасное образование.

Первое, на что он потратил силы и средства, была бесплатная школа для крестьянских ребятишек. Посещение школы считалось обязательным, да и мало кто отказался бы от бесплатной тарелки щей с горбушкой хлеба, которая предлагалась всем школьникам в перерыве между занятиями. Однако сантиментов учителя не разводили, за лень и бестолковость секли розгами, как и положено было в то время, поэтому обед приходилось отрабатывать зубрежкой азбуки, арифметики, естествознания.

Вскоре рядом со школой выросла больница, потом пришла очередь стекольного заводика, фермы, птичника и даже железнодорожной ветки, ведущей от государственной маги-

страли. Завод по производству масла и сыра был оснащен самой современной на тот момент техникой. Прошло совсем немного времени, как все это начало работать, действовать, приносить плоды – как ощутимые, в виде бутылок зелено-го стекла и больших ярких головок сыра, так и те, которые нельзя было пощупать руками: подрастающего поколения образованных и здоровых крестьян.

А потом... потом пришли перемены, как известно из ставшей уже далекой истории, не самые лучшие. Мудрый Лепнин, не дожидаясь острого развития событий, отправился со всем семейством в длительное турне по Европе, аккуратно упаковав в бесчисленные чемоданы и прихватив в качестве дорогих сердцу вещей бесценную коллекцию оружия и драгоценностей. Естественно, то, что Лепнины вывезли коллекцию из России, не афишировалось, в те времена она считалась самой богатой в стране и превосходила по стоимости фонд столичной Оружейной палаты. По слухам, естественно, истинную ее стоимость знал только хозяин.

Спустя год предусмотрительности графа позавидовали не только ближайшие соседи. Возвращаться в Россию уже не имело смысла.

Зачитавшись историей одного из выживших в мясорубке революции дворянских родов, я не заметила, как прошел час. Записи на этом не заканчивались, в тетради было еще больше половины исписанных листов. Интересно, какое про-

должение имеет история? Я бережно перевернула страницу и замерла: в замочной скважине заскребся ключ. Марта вернулась. Так рано? Интересно, она одна или со стариком? Честно говоря, не хочется его видеть. Сейчас начнутся охи и ахи, всплескивания руками, вопросы. А мне хотелось спокойно дочитать дневник и понять, что же так насторожило в записях деда Марту. Пока ничего подозрительного и загадочного я не видела.

Дверь Марта открыла не сразу, видимо, еще не запомнила, какой ключ от нижнего, какой от верхнего замков. Воспользовавшись заминкой, я проскользнула к окну, чтобы посмотреть, стоит ли во дворе «девятка» Норбекова. Если стоит – они поднялись вместе, если уехала – я могу расслабиться. Машины не было. Я с облегчением вздохнула и протянула руку, чтобы приоткрыть окно, мне показалось, что в комнате немного душновато. Этой заминки было достаточно для того, чтобы Марта открыла наконец дверь и прошла в комнату. Только это была вовсе не Марта, а незнакомый парень в короткой потертой кожаной куртке.

На мое везение, в тот момент я оказалась полностью прикрытой занавеской. Сквозь щелку мне была видна часть комнаты и все, чем занимался незнакомый тип. Я еще надеялась, что это какой-нибудь приятель Матвея Васильевича, но мои надежды растаяли с первым же движением незнакомца. Увидев сваленные на диване альбомы, он кинулся к ним и, не церемонясь, принялся вытрясать из них душу. Карточки,

бережно подклеенные и тщательно рассортированные хозяином, со скрипом вылетали из насиженных мест, но искал он не какое-то конкретное фото.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что именно ищет незнакомец. Видимо, Марта проболталась случайно, или он сам знал, где именно нужно искать. Значит, мне предстоит небольшая потасовка. К сожалению, я никак не соберусь освоить хотя бы элементарные приемы самозащиты. Наверное, во мне говорит природная лень и наследственная склонность к сибаритству. С удовольствием делаю только то, чем загораюсь сиюминутно. Совсем как Алина.

Он непременно найдет тетрадь: подходя к окну, я положила ее на подоконник рядом с собой. Сейчас он покончит с альбомами и начнет обшаривать комнату. Тетрадь лежит с самого края, ее легко рассмотреть через тонкий тюль. Сначала он увидит ее, подойдет и заметит меня.

Себя мне не так уж и жалко, и не в таких переделках бывала, выкручусь. Например, успею открыть окно и начну орать благим матом на всю улицу. А вот тетрадь я могу и не отбить, силы неравные. Стараясь не упустить налетчика из виду и не произвести шума, я бросила взгляд на подоконник в поисках орудия самообороны. Два цветочных горшка с жухлыми фиалками, тетрадь, пластиковая бутылка с водой. Скорее всего, Матвей Васильевич держал ее для поливки фиалок, только вот отстаивал воду неправильно. В период своего увлечения искусством бонсай Алина говорила мне, что бутылку ни в

коем случае нельзя закрывать, из-за этого и вода не дышит, и хлор не улетучивается. Горлышко полуторалитровой бутылки воды, стоящей на расстоянии вытянутой руки, было завинчено синенькой крышечкой.

То, что полная пластиковая бутылка, – лучший предмет женской самообороны, теоретически я знала давно. А вот на практике применять его не приходилось. Инструктор с известного телеканала обещал, что вырубает основательно, следов не оставляет, покалечить не может. Что же, проведем испытание. Времени на раздумье не было, парень в куртке с досадой пнул гору альбомов на полу, оглянулся и остановил взгляд на тетради, лежащей на подоконнике. Он направился прямо ко мне, протянул руку, чтобы отдернуть штору и тюль, и в ту же секунду я схватила бутылку, размахнулась и опустила ее прямо на голову налетчика.

На пол он осел без шума, мягко и плавно. Инструктор не врал! С учетом того, что у меня не было достаточно места, чтобы размахнуться, удар оказался довольно сильным, парень потерял сознание. Я связала ему руки галстуком, висящим на спинке стула, и стала ждать, когда он придет в себя. Парень не шевелился. Я приложила пальцы к шейной артерии – пульс бьется. Интересно, сколько времени ему понадобится, чтобы прийти в себя? У меня лично времени совсем не было. Марта могла вернуться в любой момент. Ладно, одна, а если со своим сопровождающим? Как я буду объяснять Петру Алексеевичу свое присутствие в доме, погром,

связанного мужика? Вполне возможно, что он мог бы стать нашим союзником, но пока я не убедилась в том, что он чист перед памятью друга, посвящать в секреты Марты его не собиралась.

Я похлопала пленника по щекам – никакого результата. Вздохнув, поплелась на кухню искать нашатырь. У пожилых людей в аптечке обычно бывает все необходимое. Аптечка нашлась в ванной комнате: металлический белый ящичек с красным крестом аккуратно висел на стенке. Покопавшись, я нашла и пузырек с аммиаком, отщипнула кусочек ваты, открыла дверь и... краем глаза уловила тень, мелькнувшую в прихожей. Уронив пузырек на пол, бросилась в комнату. Грабителя и след простыл. Видимо, он пришел в сознание, дождался, когда я выйду из комнаты, и был таков – я совсем забыла проверить дверь, а она, судя по всему, была открыта. Молодец я! Так грамотно произвела задержание, не побоялась броситься на здорового мужика с бутылкой наголо и так бездарно его упустила. Где его теперь искать?

Хлопнув себя рукой по лбу, я бросилась к подоконнику. Тетради не было. И как я буду объяснять происшедшее Марте? Поверит ли она в то, что тетрадь стащил неизвестный недоброжелатель в черном, а не я сама обнаружила в ней нечто очень интересное и решила обратить семейные секреты себе на пользу? Я бы не поверила. Самое противное заключалось в том, что я так и не успела прочитать самое важное. Недотепа!

Как же ему удалось забрать ее со связанными руками? Я проверяла, узел был не просто крепкий, а безжалостно крепкий, руки связаны за спиной. А может... С замиранием сердца, я отдернула штору и с облегчением вздохнула, тетрадь лежала на полу. Видимо, я сама смела ее в пылу сражения. Ну, хоть в этом-то мне повезло. А как все-таки жаль, что я не успела допросить налетчика! При удачном стечении обстоятельств можно было бы получить ответы на все вопросы прямо сейчас.

Чтобы немного успокоиться и привести мысли в порядок, я прошла на кухню, нашарила в шкафчике пачку кофе – слава богу, Матвей Лепнин не пил растворимого, а держал в доме хоть и не самый дорогой, но обычный, молотый, – и сварила себе порцию в стоящей там же джезве. Налила в чашку густой напиток с темной пенкой, вернулась в комнату, открыла тетрадь на том месте, где остановилась. Только начала читать, но тут же отложила: а что, если грабитель надумает вернуться? Судя по его позорному бегству, к отряду свирепых убийц и насильников он не принадлежал, но я же не знала всей подноготной его визита: послал его кто-то или он навестил дом почтенного графа Лепнина по собственной инициативе, имеют ли сведения, находящиеся в дневнике, важное значение для рода Лепниных, или ими могут воспользоваться совершенно посторонние люди?

Подойдя к двери, я нащупала задвижку и уже более уверенная вернулась к прерванному чтению. Теперь начиналось

самое интересное. Если первая часть записей повествовала об истории семьи прошлого века, то вторая описывала события, произошедшие совсем недавно.

А совсем недавно, не больше года тому назад, на пороге квартиры пенсионера появился холеный господин с заграничным акцентом. Он сообщил, что Лепнин Матвей Васильевич является единственным наследником состояния своих предков, так как месяц назад его дядюшка, Николя Лепнин, скончался в предместье Парижа, не оставив после себя наследников.

– Какой дядюшка, – попробовал возмутиться от растерянности Лепнин, – матушка никогда не говорила мне о своих братьях.

Словно предвидя это восклицание, господин, а он оказался личным адвокатом Николая Лепнина, протянул ему запечатанный конверт. В конверте было письмо, написанное очень аккуратным почерком. Письмо было от новоявленного дядюшки Матвея. После обязательных реверансов в адрес племянника он сообщал, что почти полвека назад его сестра, мать Матвея, опозорила семью: будучи невенчанной, бежала из-под родительского благополучного крыла с артистом цирка, brutальным и горячим наездником, блестяще и виртуозно владеющим искусством джигитовки на арене.

Семья первое время ждала свою беспутную Натали и, не дождавшись, прокляла и постаралась забыть. Что стало с легкомысленной девицей, они так и не узнали, и лишь спустя

почти полвека ее брат Николя, озабоченный отсутствием наследников, решил навести справки. Поиски были долгими, Лепнин никак не мог подумать, что Натали под прикрытием шапито рискнула вернуться в такую опасную в то время Россию. Но Натали рискнула. Передвижные цирки в то время не особо проверяли на предмет шпионажа и благонадежности, поэтому, когда администратор цирка объявил о гастролях в Россию, Натали с удовольствием последовала за мужем. Духом авантюризма девица обладала изрядным.

Уже будучи на опальной родине, в один из слякотных мартовских вечеров она чуть ли не до драки поссорилась с возлюбленным, хлопнула дверью и ушла куда глаза глядят. Естественно, простудилась, угодила в больницу и месяц провалялась практически без сознания в жару пневмонии. Мастер джигитовки ее, вероятно, искал, но не нашел, и цирк уехал дальше. Натали была девушкой эмоциональной, но оптимистичной до глупости, поэтому не впала в истеричное состояние, не найдя на месте брезентового шатра, а вернулась в больницу и устроилась работать санитаркой. Выправила документы на девичью фамилию, впрочем, брак с джигитом она и не регистрировала, вышла замуж за фельдшера, годящегося ей в отцы, и стала приспосабливаться к новым условиям жизни.

Фельдшер был хорошим человеком: добрым, интеллигентным, с прекрасным чувством юмора. Он нежно любил Натали и снисходительно относился к проявлениям ее

вздорного характера. Например, к требованию оставить девичью фамилию и передать ее сыну. В благодарность молодая женщина по-своему его любила, по крайней мере, не изменяла ему и считала своим другом. Плодом этого брака и был Матвей.

А вот Николая, переболевший в детстве свинкой, оказался бесплоден. Так и получилось, что единственным представителем древнего рода остался дед Марты. И ладно бы, только рода... Коллекция оружия и драгоценностей не была мифом. Она существовала, она и позволила семье не просто выжить в смутные годы, но и приумножить состояние. Естественно, большую часть коллекции пришлось обратить в наличные и золото, но это не было ошибкой. Предусмотрительность предков принесла оглушительные дивиденды. И с этими дивидендами предстояло иметь дело простому российскому пенсионеру Матвею Васильевичу Лепнину.

К счастью, дед Марты каким-то загадочным образом оказался способным справиться со свалившимся на него неслыханным наследством. Скорее всего, в нем заговорили гены предприимчивого Константина Лепнина и других не менее толковых и талантливых в делах предков. Справедливости ради надо сказать, что очень помог ему советом и делом адвокат дяди, оказавшийся, несмотря на свою холодность, человеком участливым и знающим свое дело. Что же решил сделать Матвей Васильевич с родовым сокровищем? Именно то, что и приказал ему почивший дядя. Оказалось, что

при получении наследства должно было соблюдаться одно условие: часть полученных средств обязана была пойти на выкуп и восстановление родового гнезда, как раз находившегося в окрестностях Горовска – не зря буйная мамаша Матвея так рвалась в то турне по российским городам и остановилась именно здесь!

Гнездо находилось в селе с необычным названием Царевщина, расположенном в пятидесяти километрах от Горовска, село как село, ничего особенного в нем не было за исключением того, что в памяти людей еще жило воспоминание о Константине Лепнине, так много сделавшем для своих крестьян. Да и сложно было забыть: завод по производству масла и сыра всюю функционировал, бутылки зеленого стекла сходили с конвейера, местный фельдшерский пункт располагался там, где ему и положено, в построенной в позапрошлом веке больнице, школа, правда, была отстроена новая, но зато в старой, графской, работало несколько магазинов. В графских конюшнях расположились гараж сельскохозяйственной техники и столовая, а великолепно сохранившийся кирпичный графский дом оккупировали сельские власти, поделив его по-братски с клубными работниками.

Впрочем, места хватало всем, Лепнины никогда не экономили на собственном комфорте, и дом отстроили красивый, крепкий, просторный. С красотой, правда, в первые годы советской власти пришлось распрощаться: чуждые буржуйскому гламуру пролетарии не поленились выломать мраморные

колонны, снести башенки, разобрать парадный вход – нечего на пустяки размениваться, о светлом будущем думать надо. А в остальном все оставили как есть, лишь немного отредактировали: из бального зала впоследствии сделали кинозал, из домика управляющего имением – магазин, а в потрясающей красоте книжных шкафах, сплошь украшенных вырезанным из дуба растительным орнаментом и медвежьими головами и лапами, стекла заменили на фанерные листы и отдали в контору под папки с документами.

И теперь Лепнину предстояло каким-то образом выкупить дом с прилегающими к нему старым заброшенным графским садом и заросшей ряской купальней, оборудованной когда-то на местной речушке. Как удалось пенсионеру всего лишь за год уладить необходимые формальности, история умалчивает. Скорее всего, сыграли свою роль неограниченные материальные средства, помощь высококлассных юристов да и предпринимательская жилка, дремавшая в самом Матвее Лепнине. Суть в том, что на сегодняшний день старый графский дом с садом и заводик по производству масла и сыра принадлежали Лепнину, более того, на их территории уже начались масштабные работы по превращению этого места в настоящую этнографическую Мекку – Матвей Васильевич пошел дальше, чем его дядюшка. Он решил не просто возродить родовое поместье, но и создать на территории бывшего имения музейно-туристический комплекс. Впрочем, об этом – позже.

Последние страницы я дочитывала уже в присутствии Марты. Вернулась она, к счастью, без Петра Алексеевича, поэтому у меня было время спокойно закончить изучение дневника.

– Получается, что ты ошиблась? – задала я девушке вопрос. – И российские пенсионеры могут оставить богатое наследство?

– Не понимаю, – призналась Марта, – я даже краем уха ничего не слышала ни об эмиграции, ни о бесценной коллекции, ни об имении. Мама росла в то время, когда не принято было хвастаться дворянским происхождением, поэтому дед, скорее всего, и скрывал от нее подробности, лишь туманно намекая на истину.

– Да и прабабке твоей не было смысла на каждом углу рассказывать о братишке, – поддержала ее я, – судя по всему, ей не так уж и важно было, насколько богаты и влиятельны были ее родители. Счастливая натура везде чувствует себя как рыба в воде.

– И что теперь мне со всем этим делать? – кивнула Марта на раскрытую тетрадь.

– Решать тебе, – пожала я плечами, – если ты хочешь узнать мое мнение, то я так просто это дело не оставила бы. Не нравится мне преждевременная кончина твоего деда, особенно не нравится в свете открывшихся фактов. Но решать тебе. Неизвестно, чем может закончиться твое пребывание в России, может быть, благоразумнее вернуться в

Копенгаген. Если же в этом деле все чисто, думаю, юристы, которые помогали твоему Матвею Васильевичу, сами тебя найдут.

– А если нечисто?

– То в ближайшее время ты вполне можешь увидаться с дедом. Там, – показала я пальцем в небо.

– Я остаюсь, – не раздумывая, рубанула девушка.

– В тебе заговорила прабабка по материнской линии, – поддела я ее, – сумасбродка Натали?

– Быть правнучкой Натали – честь для меня, – вздернула носик Марта, – ты меня не оставишь?

– При одном условии, – ответила я, – ты сейчас же скажешь, кому ты проболталась про обнаруженный дневник.

Марта на мгновение замешкалась, потом спросила:

– Что-то случилось?

– Случилось, – подтвердила я. – Так кому?

– Маме. Я позвонила ей с кладбища и вкратце обо всем рассказала.

– Петр Алексеевич мог слышать твой разговор?

– Не думаю. Он как раз отошел поговорить со сторожем.

– И находился в пределах твоей видимости?

– Нет, я вообще не смотрела по сторонам и разговаривала из машины. Дверца, правда, была открыта.

– Ясно, – пробормотала я, – что нам ничего не ясно.

Я рассказала Марте о визите налетчика и посоветовала немедленно, пока не закончился рабочий день, сменить зам-

ки. Она не стала спорить, я вызвала слесаря, и к вечеру квартира Марты была в относительной безопасности. Несмотря на это, девушка не хотела одна оставаться дома, но и я постоянно караулить ее не могла, поэтому приняла мудрое, как мне показалось, решение: пригласила ее в гости. Я подумала, что аристократичному и любознательному Арише будет любопытно послушать ее рассказ, а у меня появлялась возможность еще раз прослушать ее историю и попытаться найти в ней хоть какую-то зацепку. К тому же дед неоднократно давал мне не лишённые здравого смысла советы, и сейчас я подсознательно надеялась на его помощь и эрудицию: вполне возможно, что он что-нибудь слышал о возрождающемся недалеко от Горовска дворянском имении.

Но прежде чем покинуть дом, мы с Мартой постарались как можно тщательнее просмотреть все бумаги Лепнина, которые удалось найти в ящиках его письменного стола. Я подзревала, что в квартире подпольного миллионера вполне может находиться и сейф – не для денег и золотых слитков, так хоть для документов, и постаралась проверить все удобные для расположения сейфа места. Поиски наши не увенчались успехом, и я с легким недовольством заперла квартиру.

Теоретически, если кто-то и хотел найти нечто важное в доме Лепнина, то вполне мог сделать это в отсутствие наследницы: больше недели квартира, судя по всему, стояла пустая, а ключи у заинтересованных людей были. Но тогда как можно было объяснить сегодняшний визит парня в по-

тертой куртке? Он не хотел, чтобы Марта прочитала найденные записи? Может быть. Если так, то ей и в самом деле лучше переночевать у меня. Исчезла ведь из города вдова Матвея Васильевича, и неизвестно, по собственной воле исчезла или нет.

– Стоит предупредить Норбекова о том, что я буду у тебя? – спросила Марта уже на улице.

– Думаю, нет, – немного подумав, решила я, – под предлогом того, что будет волноваться о тебе, он спросит, где я живу, а я пока предпочитаю сохранять инкогнито.

* * *

Стоило Марте перешагнуть порог нашего дома, дед залоснился, как свежееиспеченный блин.

– Полетт, ты меня радуешь. Сразу видно, что твоя гостья – настоящая леди. Откуда вы, прелестное дитя? Каким жестоким ветром занесло вас в наш мрачный пыльный город?

Я в который раз подивилась интуиции деда. По крайней мере, одно он угадал. Марта Марсвин действительно была в Горовске человеком новым. Я решила подыграть ему:

– Марта прибыла накануне из Датского королевства посетить места проживания и упокоения своих предков, – отрекомендовала я девушку.

– Мон ами, – поразился дед, – почему ты не привела гостью сразу к нам? Как ты могла лишить меня столь прият-

ного общества? Но извините меня, я не отрекомендовался. Аристарх Владиленович Казаков.

– Марта Марсвин, – повторила девушка.

– Полетт, ты не позаботилась об ужине и не предупредила меня, – с укоризной обратился ко мне Ариша, – мы опозоримся перед столь удивительной гостьей.

– Ужин сейчас будет, – вздохнула я.

– Прекрасно, занимайся хозяйством, а я покажу Марте дом.

– Конечно, меня ни разу так не встречали, – раздался с лестницы, ведущей на второй этаж, голос Алины, – с голоду помру, никто внимания не обратит, пока труп вонять не начнет.

Лицо Ариши перекосила гримаса досады. Надо же! Он так элегантно расшаркивался перед девушкой и совершенно забыл про мою подругу, для которой наш дом был как родной. К Алине он относился снисходительно, как к неизбежному, но весьма очаровательному злу. Время от времени между ними возникали склоки, которые сменялись периодами полной гармонии и даже «дружбы против меня», когда я умудрялась досадить обоим сразу.

– Это Алина... э-э... компаньонка Полетт, – не найдя ничего лучшего, ляпнул он.

Заигрался. Ну, сейчас будет буря.

– Я компаньонка? Это такие с буклями и облезлыми болонками под мышкой? – прошипела подруга. – Может, еще

приживалкой назовете? Ноги моей в этом доме больше не будет!

– Извините, – вмешалась неожиданно в разговор Марта, – Алина, не сердитесь. Я временный человек в этом доме и не собираюсь претендовать на ваше место лучшей подруги. Просто я попала в сложные обстоятельства, Полина оказала мне любезность и согласилась помочь. Если вы простите мое вторжение, то я компенсирую свою бестактность откровенностью.

– Вот-вот, – поддержала я, – Марта расскажет тебе о родовых сокровищах, которые у нее, кажется, пытаются увести.

– Сокровища? – скатилась подруга с лестницы. – А где они зарыты? Со дня на день мне должны прислать металлоискатель, а если на клад наложено заклятие, то никто, кроме меня, не знает, как можно его снять. А ваши предки были пиратами? Разбойниками? Ворами? Убийцами?

– Вот сейчас она вам все и расскажет, – облегченно вздохнула я. – Марта, этим людям можно доверять.

Троица удалилась в гостиную, а я набрала номер телефона доставки еды на дом одного из ресторанов. Если кто-то подумал, что я собираюсь засучить рукава, надеть фартук и начать лихо кромсать корнеплоды крупными кусками и шпиговать дольками чеснока баранью ногу, тот глубоко заблуждается. Готовить я не люблю, а если бы и взялась, то гости не смогли бы есть то, что я приготовила. Такая вот продовольственная дисгармония.

– Так вы внучка Матвея Лепнина? – ахнул дед, едва Марта начала свой рассказ. – Я неплохо знал его по клубу. Ваш дед часто бывал моим партнером за карточным столом. Прекрасный человек, тонкий, ироничный, знающий. Его уход стал настоящей трагедией для образованных людей нашего города. Так вы говорите, восстанавливал родовое имение? И как только ему удавалось делать это столь завуалированно? Молодец, ничего не скажешь. Только непонятно, почему он это скрывал? Чего боялся? Сегодня многим наследникам старых фамилий возвращают родовые особняки, если они найдут доказательства того, что эти дома действительно принадлежали их предкам, и обязуются поддерживать здания в образцовом состоянии.

– Многим? – переспросила я.

– Не многим, но прецеденты были. Пожалуй, я действительно чем-то смогу вам помочь. В последнее время я часто видел Матвея в обществе одного из лучших ландшафтных дизайнеров нашего города. Теперь я понимаю, что их связывало. Я могу организовать вам встречу.

– Отлично, – потерла руки я, – кто еще, как ты думаешь, мог помогать Матвею Васильевичу?

Ариша назвал несколько фамилий и пообещал, что сегодня же произведет разведку в клубе.

– А Ирина Волкова? Что ты слышал о сбежавшей вдове?

– К сожалению, ничего. Видел ее пару раз – яркая, темно-глазая, смуглая кожа, великолепный цвет лица, роскошные волосы. Тропическая женщина, можно понять Матвея. Но без вульгарности, без этой дешевизны, которой отличаются многие женщины южного типа. А о характере, роде деятельности, прошлом ничего сказать не могу, к сожалению. Но очень постараюсь узнать.

Мой драгоценный дед рассказал нам и о Петре Норбекове. Оказалось, что этот скромный пенсионер в прошлом занимал второе кресло в структуре городской власти. И, по слухам, имеет весьма крупный счет в банке и некоторое влияние – до сих пор.

– А чего он тогда на «девятке» катается? – удивилась я.

– Значит, на это есть свои причины, – ответил Ариша, – есть такая категория людей, которая не любит демонстрировать свой достаток. Имеют право.

Из своих ночных загулов Ариша действительно приносил мне много ценной информации. В клубе, где он был завсегдатаем и почетным членом, собирался весь городской бомонд, по большей части состоящий из истинных тузов города и настоящих сливок нашего провинциального общества. Дед умел разговорить любого, влезть в доверие к самым осторожным, а если того требовало дело, даже применить свой талант карточного шулера, иногда в ущерб себе. Получив задание, он с неохотой поднялся в свою комнату,

чтобы переодеться и привести себя в надлежащий вид.

Теперь вниманием Марты завладела Алина. Она просто завалила ее вопросами о размере семейного сокровища, ценности и внешнем виде драгоценностей, приблизительном количестве воображаемых золотых слитков.

– А семейный склеп в вашем имении есть? Если нет, то мы его обязательно построим. Знаешь, в склепах тоже часто прятали сокровища, эх, когда же металлоискатель придет? Сейчас направлю ругательное письмо в интернет-магазин.

Пулей взлетев наверх, она возвратилась через пару минут и задала следующий вопрос:

– А подземный ход под графским домом не завалили? Знаешь, ведь под каждым графским домом обязательно должен быть тайный подземный ход. А твой прапрапра был такой предусмотрительный, такой осторожный, он непременно должен был позаботиться о пути отступления от озверевших крепостных с вилами и осиновыми кольями.

– Алинка, ты опять все перепутала. Во-первых, осиновые колья точат против вампиров, а Лепнины никогда не подозревались в вампиризме. Во-вторых, крепостное право к тому времени уже отменили. В-третьих, Лепнин позаботился о семье более аккуратным и надежным способом, он просто вывез всех ее членов за границу, когда почувствовал, что в России оставаться опасно.

– Ну и что? Подземелье все равно должно быть, я чувствую. Вот поедem, я его найду, мамой клянусь.

Хорошо, что ее не слышал распутивший хвост перед гостьей Ариша. Иногда в речи Алины проскакивали жаргонные словечки из самых разных языковых сфер, и уголовных в том числе. Не зря она целый месяц как-то занималась наставлением молодых наркоманов на путь истинный.

– А еще твой Лепнин обязательно должен был зарыть всякое столовое серебро и прочие безделушки. Так все поступали, он что, хуже?

– Самое ценное он вывез с собой, – робко попыталась возразить Марта.

– Золото-бриллианты? – фыркнула Алина. – Они много места не занимают, это само собой. А всякие серебряные супницы? Картины в золоченых рамках? Их тоже с собой в турне тащить? Дудки! Он их в саду зарыл, как все порядочные эмигранты.

– Дед что-то писал про графский сад, – вспомнила Марта на свою голову.

– Ага, а я что говорила, – вскочила Алинка со своего места, – вспоминай, что там еще поблизости было?

– Дед писал, что за садом была купальня. По старым документам, посреди пруда был сделан искусственный островок, а на нем стояла беседка. К беседке вел мостик. Только все это надо восстанавливать, беседку давно разрушили, островок размыло. Да, там еще черные лебеди плавали. Среди белых лилий.

– Ну, лебеди – это туфта, ложный ход, – со знанием де-

ла заявила Алина, – если бы в них что и прятали, то лебеди эти давно сдохли. А вот информация о беседке мне нравится больше. Ты не знаешь, сколько может стоить водолазное снаряжение? Я сейчас, – и подруга опять понеслась к Интернету.

– Не пугайся, – успокоила я Марту в ее отсутствие, – Алина – очень хороший человек и надежный друг. Просто она слишком активная.

Марта не успела ответить, как Алина скатилась вниз по лестнице и радостно заявила:

– Все, заказала. Будем ждать. Полина, если придет извещение, заедешь на почту? Тебе же все равно за металлоискателем ехать. И денег захвати. Примерно три или четыре тысячи евро, я приблизительно считала.

Глава 4

Утром мы еле-еле дождались, когда проснется Ариша. Судя по всему, вернулся он под утро, и даже под самым благоприятным предлогом будить его было бы безбожно. Алина постоянно подбегала к Марте, задавала очередной вопрос, возвращалась в Интернет, недовольная ответом наследницы, но не теряющая оптимизма. Дело в том, что сама Марта знала ровно столько же, сколько и я, и не могла проконсультировать Алину по поводу расположения комнат в графском доме, наличия двойных стен, склонности графа к мистификациям.

– Если он прятал клады, то непременно должен был наложить на них заклятие, – утверждала моя подруга, – так все порядочные кладозакапыватели делают.

Узнав, что заклятий в родовом медальоне Марта не обнаруживала, да и медальонов никаких мать на грудь ей не вешала и не велела хранить вечно, Алина требовала рассказать, не пропадала ли бесследно в графском семействе какая-нибудь прелестная девственница.

– Зачем тебе девственница?

– А вы не догадываетесь? Клад охранять! Их или сбрасывали живьем в яму, где зарывали сокровища, или приковывали цепями в подземелье, где хранили сундук, или замуровывали в стену, рядом с ларцом. Это же каждый дилетант

знает!

– Алина, мы не собираемся искать клады, – пыталась я образумить подругу, – нам просто необходимо разобраться с вопросами наследования и постараться выяснить, была ли смерть последнего Лепнина случайной.

– Выясняйте. Я вам мешаю? У вас свой интерес, у меня – свой. И не лезьте не в свое дело. Вот найду сокровища, еще спасибо мне скажете, – грозила Алина и опять зачем-то мчалась к компьютеру.

Вчера вечером я тайком от нее отменила заказ водолазного снаряжения в интернет-магазине. Думаю, даже если возникнет острая необходимость обследовать дно купальни, дешевле и практичнее будет нанять профессионального водолаза со своим снаряжением.

Наконец проснулся Ариша. Я с удовольствием окинула его взглядом. Подтянутый, в хорошем домашнем костюме, тонко пахнувший дорогой туалетной водой, с аккуратно уложенными волосами, он выглядел великолепно. Дед никогда не позволял себе выйти к гостям в помятом виде, лучше он час проведет, приводя себя в порядок, но никому не позволит застать себя врасплох.

Ариша, в свою очередь, пребывал в прекрасном настроении. В раскрытые окна гостиной врвался весенний ветерок, принося из сада просто до неприличия сочные ароматы цветущей сирени, кофейный столик был сервирован по всем правилам хорошего тона, встречали его три молодые

женщины, каждая в расцвете своей прелести и женственности. Так чуть позже прокомментировал свое расположение к нам Ариша, я же не видела в нашем трио ничего особо привлекательного. Я без макияжа выглядела полнейшей серой мышкой, Марта напоминала сбежавшего с уроков подростка, Алине же вообще некогда было наводить красоту, и она металась по дому в банном халате, накинутом на ночную рубашку.

Что же касается кофейного столика, то Ариша был прав. Терпеть не могу пить кофе из некрасивой посуды. В ширпотребовской большой чашке с грубым рисунком даже самый дорогой сорт приобретает оттенок вульгарности, а прозрачный изящный фарфор может прикрыть некоторые огрехи напитка. Недавно с удивлением узнала, что мое открытие украли британские психологи из университета Шеффилда. Они официально заявили, что напиток становится вкуснее, если использовать любимую или просто красивую чашку. Наверняка еще и премию получили, пройдохи.

– Ну-с, барышни, – начал Ариша, пристроившись в кресле и взяв в руки услужливо преподнесенную ему белую фарфоровую чашку с тонким золотым ободком, – кое-что мне удалось узнать. Во-первых, я познакомился с ландшафтным дизайнером, который работает в усадьбе, во-вторых, вышел на адвоката, управляющего всеми делами Матвея Лепнина. Это тот самый тип, который и привез ему весть о наследовании состояния Лепниных. Сам он по происхождению тоже

русский, имеет двойное гражданство, последний год постоянно прилетал в Россию для решения проблем, связанных с восстановлением имения. Если завещание и было, то составлял его Даниэль Кальм, именно так зовут этого адвоката.

– И как на него выйти?

– Вам решать. Он исчез за пару дней до смерти Лепнина, и никто не знает ни номера его телефона, ни адреса. Чудеса! Словно в воздухе растворился.

– Так же, как и Ирина Волкова, – под нос пробормотала я. Пробормотала вроде тихо, но меня услышали.

– Ты думаешь, они могли быть заодно? – поймала мою мысль Марта.

– Предполагаю. Ничего нельзя упускать из виду.

– А как же Петр Норбеков? Какую роль играет он? – поинтересовалась Марта.

– Может быть, одну из главных. А может быть, никакую, просто приятель твоего деда, не имеющий о заварушке с наследством никакого представления.

– Как мне удалось узнать, – вставил слово дед, – особой тайны из своей деятельности по возрождению имения Матвей не делал, да и невозможно было скрыть столь масштабный проект в нашем городке. Он, как сумел, постарался лишь умолчать о получении наследства, объяснив всем свою деятельность как всего лишь наемный труд по поручению городских властей. В городе до сих пор считают, что имение не принадлежит частному лицу.

– Теперь понятно, почему Петр Алексеевич ничего не сказал Марте о наследстве, – поняла я, – сначала именно это показалось мне подозрительным: как так? Называется близким другом почившего и молчит о столь важном для внучки событии в жизни деда? Я даже думала, что он надеется, что Марта вернется в Копенгаген, так ничего и не узнав о свалившемся на нее счастье. Лопотал что-то о квартирке, о безделушках... А все так просто объясняется. Он просто мог не знать о том, что имение принадлежит его другу, а не государству.

– Значит, мы можем ему рассказать? – подняла глаза Марта.

– Не будем спешить, – приняла решение я.

– А теперь о главном, – посерьезнел вдруг Ариша, – кто-нибудь вам говорил, что Матвей Лепнин умер в больнице?

– Нет, – призналась Марта, – я поняла, что скончался он внезапно, у него было здоровое сердце. Я думала, он умер, не мучаясь, дома, во сне.

– В больницу ваш дед попал не из-за проблем с сердцем, – покачал головой дед, – а в результате неудачной попытки самоубийства.

* * *

Теперь я поняла, что бедная Марта ни за что не смогла бы сама разобраться в хитросплетении событий, окружающих

смерть ее родственника. Слишком много всего вертелось вокруг имени Матвея Лепнина, слишком многие свидетели последнего года его жизни либо исчезли, либо ровным счетом ничего не знали.

Итак, нам необходимо было найти некоего Даниэля Кальма, адвоката покойного, и вдову Матвея Ирину Волкову. А кроме того, узнать, от чего все-таки умер Лепнин, кто довел его до попытки самоубийства и, главное, ради чего затевались все эти промежуточные шаги, есть ли завещание и в чью пользу оно оформлено.

– Я поеду в имение, – вызвалась Алина, – похожу, порасспрашиваю, поговорю с рабочими и колхозниками.

– А заодно покопaeшь под яблонями графского сада, – поддел ее Ариша.

– Что я, не понимаю важности момента? – надулась Алина. – Клад в земле сто лет пролежал и еще столько же пролежит. Еще успею покопаться.

– Много ты себе отмерила, – опять не удержался дед.

– Сколько бы ни отмерила, вас переживу, – парировала подруга.

– Если не будешь в опасные предприятия соваться, – припугнул Ариша, оставив последнее слово за собой.

Я трезво поразмыслила и решила, что, несмотря на свой легкомысленный имидж, Алина еще никогда не подводила меня в деле, и эта командировка будет как раз в ее вкусе и по ее способностям. Я же попытаюсь разузнать что-нибудь

об истории с самоубийством. Непонятно было лишь то, какую роль отвести Марте. Наивной глупышки, непонятно зачем приколесившей в Россию? Дотошной иностранки, приехавшей разобраться в причинах смерти незнакомого ей, но родного деда? Стяжательницы, готовой на все ради получения наследства, даже если оно и состоит из квартирки в провинциальном городке?

Лучше всего ей подошла бы первая. Пусть показывает, что просто хочет познакомиться с родиной, хлебнуть экзотики глубинки. Справится?

– Справлюсь, – кивнула Марта, – я в колледже в театральной студии занималась. Даже хотела актрисой стать, но мама отговорила. Уж дурочку-то наивную сыграть я смогу, это не леди Макбет.

– Не знаю, – засомневалась Алина, – мне кажется, Макбет как раз играть легче. Заламывай себе руки, шли проклятия небесам да ножиком размахивай направо и налево. А потом опять руки заламывай и небеса на чем свет костери. Чего проще!

Мы договорились, что сегодня же Алина возьмет больничный, чтобы не ходить на работу, и поедет в имение Лепниных, Марта вернется в квартиру деда и будет изображать иностранную туристку, ничего не ведающую о событиях, предшествующих смерти родственника, а я постараюсь разузнать что-нибудь о попытке самоубийства.

Несмотря на вечные перепалки с Алиной, Ариша тут же

помог ей с организацией поездки: связался с дизайнером, работающим в имении, и договорился, что тот устроит ее на пару дней в наскоро оборудованном общежитии. Ранее в нем жили рабочие, занимающиеся ландшафтом имения, сейчас же оно пустовало, в связи с кончиной заказчика работы были приостановлены до особого распоряжения.

* * *

Это раньше старушки на лавочках готовы были выдать любую известную им информацию о жителях дома первому встречному. В последнее время участились случаи обмана стариков жуликами, и бдительность работников придворной справки резко повысилась. Поэтому рассчитывать на авось в деле добычи информации методом обычного опроса не приходилось, требовалось произвести небольшую маскировку и разыграть нехитрый спектакль. А что еще мне оставалось? Поинтересоваться, почему хотел свести счеты с жизнью Лепнин, у Петра Алексеевича? Вряд ли он обрадуется моей осведомленности. Если сразу не захотел рассказать об этом приискорбном факте Марте, значит, на то были свои причины.

Нет, спросить-то было можно, но только после того, когда я узнаю публичную версию. Для чистоты результатов статистического опроса, так сказать.

Я порылась в гардеробе, вытащила из его глубин черную юбку из дешевой синтетики, мохнатый джемпер из шерсти

мутанта неизвестного происхождения, украшенный стразами и стеклярусом. Дополнила комплект ботиками из серии «прощай, молодость», патлы косматенького паричка цвета «махагон» стянула нарядной фестончатой резинкой на затылке. Осталось насадить на нос очки, и облик заезженной жизнью работницы социальной сферы был готов. По дороге я заехала в магазин, купила пакет гречки, молока, банку сгущенки и большой полиэтиленовый мешок развесных макарон. План мой был незамысловат, но другого и не требовалось для выполнения подобного задания: я представляюсь социальной работницей, скажу, что принесла продукты Матвею Васильевичу, а его который день нет дома, попрошу передать ему авоську и выведу все, что мне надо.

Грубовато сколоченная лавочка перед подъездом Лепнина, к моему огромному сожалению, была пуста, значит, придется идти в соседние квартиры, звонить, представляться, просить, чтобы передали продукты. Это было сложнее, современные продвинутые старушки вполне могли заподозрить меня в попытке подсунуть им мешочек гексагена. Я села на лавочку, чтобы поудобнее распределить покупки, через прозрачный пакет должно быть видно, что никакой опасности еда не представляет. Единственное, что может насторожить, – это банка сгущенки. Но ею я готова была пожертвовать.

Пока я раздумывала, стоит оставить банку или убрать, дверь подъезда открылась и передо мной выросла тетушка в

толстой мохеровой кофте и бейсболке.

– Ну, чего сидишь? – поинтересовалась она.

– Продукты раскладываю, – не стала лукавить я.

– Новенькая?

– Угу, – поддакнула я.

А чего? Неправда? Не старенькая же.

– Значит, так. Лавочку эту строила я на собственные деньги. Это тебе каждый сказать может. И портить ее не позволю!

– Я и не порчу, – против своего желания начала оправдываться я, – я будто бы аккуратненько сижу.

– Сидишь-то аккуратно, но шевелишься много. Скамейка расшатывается. А ремонтировать ты будешь? Нет, конечно, опять мне придется. Так что давай, иди по своим делам. Нечего тут.

– Наверное, вы правы, – сыграла забитую овечку я, – извините, что испортила вам вашу персональную скамейку. Больше никогда не позволю себе такой вольности.

Я боялась, что переиграла, но тетушка не уловила иронической интонации, и выражение лица ее стало менее агрессивным. Я протопала мимо нее и взялась за ручку подъезда.

– Да ты в какой квартире живешь? – остановил меня окрик.

– Ни в какой я не живу. Я просто так, по делу.

– А чего тогда врала, что новенькая? К нам в подъезд молодожены переехали, вчера вещи рабочие таскали. Я их, правда, еще не видела, но ты точно на молодоженку не похо-

жа. Нет, постой, так просто я тебя не пропущу. Говори, зачем в подъезд прешься? Нагадить хочешь?

Даже я, привыкшая ко всякому, опешила от столь гадкого подозрения. Поэтому абсолютно искренне заверещала:

– Вы меня за кого принимаете? Я честная женщина, своим трудом на жизнь зарабатываю! Попробовали бы весь день с сумками по городу побегать, со стариками капризными пообщаться, ничего не забыть да еще и оскорбления выслушивать. Конечно, нас, собесовских, всякий обидеть норовит, нам ответить нечем. Была бы на моем месте расфуфыренная какая, разве вы ей подобное сказали бы? Ни за что не сказали бы! Потому что классовая несправедливость кругом!

Я так распалилась, что окончательно вошла в роль. Голос мой срывался, грудь выпятилась колесом, подбородок дрожал от возмущения.

– Ну, ну, успокойся, милая. Так бы и сказала, чего глотку рвать? Сама буржуев ненавижу.

Голос моей гонительницы неожиданно подобрел, да и весь облик стал не таким неприятным, как минуту назад.

– Должна же я знать, что за люди к нам в подъезд ломаются? Дом кооперативный, кто за порядком следить будет, если не я? Председателю только бы деньги воровать да ничего не делать. Сразу бы сказала, что из собеса. Ты к кому? На какой этаж?

– К Ленину, – поостыла и я, – ломлюсь, ломлюсь который день, а он где-то гуляет. Думаете, легко с такими сумками

таскаться? Вы его, кстати, не видели? Не случилось ли чего?

– Так ты не знаешь? – всплеснула руками бдительная тет-ка. – Случилось, и давно случилось. Уже неделя, как похоронили. Что же у вас там, в собесе, не знают, что ли?

– Да откуда нам знать-то? Никто не сообщал. Скажу. Только чего теперь с продуктами делать? Это его заказ, на его деньги куплен.

– Оставь себе, – предложила тетушка.

– Что вы, нам нельзя. Узнают, хлопот не оберешься, потом во всем подозревать будут.

– И то верно, – поддакнула моя собеседница.

– А можно, я у вас оставляю? – предложила я. – Раз себе забирать нельзя, в собес нести – смысла нет, или начальница заберет, или сторож пропьет. Пусть уж порядочному человеку достанутся.

– Ну, оставь, – не стала ломаться тетка, – не выкидывать же. Пойдем, до квартиры донесешь. А то у меня суставы болят.

С собачьей готовностью я ринулась исполнять ее поручение. То, что надо. Пусть теперь только попробует не напоить меня чаем. Лифт не работал, пришлось пешком подниматься на пятый этаж.

– Проходи, – отдала команду тетка, – снимай обувь, пакет носи на кухню.

– Водички можно попить? – начала я атаку. – С утра на ногах, в горле пересохло.

– Можно. Только смотри, если ты надумала меня огрбить, то ничего у тебя не получится. Дома ни копейки не храню, а золото принципиально не ношу.

– Договорились, не буду, – устала доказывать свою гражданскую законопослушность я.

Как ни странно, тетушка оказалась с чувством юмора и отреагировала на мою реплику так, как надо:

– Ну, раз договорились, тогда мой руки. Нечего мне тут микробов по дому рассеивать.

Я послушно потерла руки мылом и села к окошку за пластиковый столик на маленькой кухне. Однако чаю мне не предложили. Вместо него на столе появилась тарелочка с салом, квашеная капуста с зеленым луком, две тарелки с борщом, ломти черного хлеба в хлебнице. Все выглядело достаточно аппетитно, хозяйка была аккуратная, и я не заставила себя долго упрашивать. Борщ даже лучше, чем чай. На его уничтожение уйдет больше времени. Немного огорошила меня бутылка водки, которую водрузила хозяйка на середину стола, но тетушка, поймав мой взгляд, строго отчеканила:

– За упокой.

Я произвела осмотр поля боя в надежде увидеть какое-нибудь домашнее растение, с которым я смогла бы поделиться спиртным в случае, если бы банкет затянулся, но, на мое счастье, после первой стопки бутылка исчезла. Мне не пришлось задавать наводящих вопросов. Тетя Надя, так пред-

ставилась тетушка, сама начала выкладывать мне информацию.

Мне показалось, что до появления Ирины Волковой она сама имела виды на Лепнина, уж больно темнели ее глаза, когда она говорила о вдове Матвея Васильевича. По ее рассказу я поняла, что Ирина за словом в карман не лезла, на провокации тети Нади не поддавалась и даже позволяла себе, несмотря на террор соседки, сидеть на частной лавочке перед подъездом.

– Меня все тут уважают, – жаловалась хозяйка квартиры, – только эта совсем почтения не проявляла. Даже и поздоровается, а в глазах всегда – ни заинтересованности, ни участия.

По ее словам, Ирина вышла замуж лишь только ради квартиры и то потому, что молодожен не должен был пережить ее. Только ждать она и не собиралась.

– Ты не слушай, что болтают. Я хорошо Матвея Васильевича знала, крепкий человек, без всяких там истерик и переживаний. Он жизнью доволен был, поэтому и самоубиваться не думал. Это она, змеюка, на тот свет его отправила, поверь моему слову.

Как оказалось, в больницу Лепнин попал в результате отравления бытовым газом. Вечером Ирина уехала в командировку, а ночью сосед возвращался со смены и почувствовал в подъезде едкий запах газа. У тети Нади был запасной ключ еще с холостяцких времен Лепнина, поэтому обошлось

без вызова спасателей и взламывания двери. Матвей Васильевич был без сознания, но врачи прибывшей «Скорой» быстро привели его в чувство, и спустя пару дней его состояние уже не внушало опасений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.